

ТЕЗИСЫ

выступления на Общественных слушаниях

«Пути законодательного совершенствования системы саморегулирования»,
проводимых Общественной палатой Российской Федерации

27 октября 2016 г. в г. Москва

О необходимости создания реального института саморегулирования в сфере аудита

Аудит выполняет важную публичную функцию в экономике. К сожалению, сегодня только ленивый не бросает камень в огород аудиторов за низкое качество их заключений. Можно услышать заявления, что механизмы саморегулирования и контроля работают неэффективно.

На самом деле есть основания утверждать, что механизм саморегулирования в аудите даже не запущен, а препятствия на пути его развития заложены в отраслевом законодательстве.

Саморегулирование в сфере аудиторской деятельности было провозглашено Федеральным законом № 307-ФЗ в декабре 2008 года. Есть все внешние атрибуты саморегулирования. Ряд профессиональных объединений аудиторов приобрели статус саморегулируемых организаций (СРО). В настоящее время функционирует 5 СРО.

Основные решения принимаются **Советом по аудиторской деятельности (САД)**. Вот здесь начинается самое интересное: из 16-ти членов Совета только двое являются представителями аудиторского сообщества. Это как-то слабо соотносится с саморегулированием. А ведь данный изъян был сразу заложен в закон.

Оправдывая указанную норму, нам говорят: «Это не орган саморегулирования. Это независимый орган». Позвольте, о какой независимости можно говорить, если он существует при Минфине России и формирует его состав начальник профильного департамента.

Тогда нам говорят, что проекты решений для САД готовит его **Рабочий орган**, а тот, согласно закону, на 70% состоит из представителей аудиторского сообщества. Но если учесть, что 30% состава Рабочего органа опять же формируется Минфином и добавить к этому конформистскую часть

руководства ряда СРО, то получается известное «агрессивно-послушное большинство». Послушное начальнику, потому что понимает, что госрегулирование как было, так и осталось в неизменном виде. Агрессивное к тем, кто имеет иное мнение и пытается что-то исправить.

Но начальник решил упростить схему и добиться 100%-го послушания.

В 2013 г. Правительством России вносится в Госдуму проект закона о переходе на международные стандарты аудита (МСА), объемом 6 машинописных страниц. Проект благополучно принимается в I-ом чтении. А в 2014 г. ко II-му чтению появляется целый «кирпич» поправок, внесенных бывшей тогда председателем Комитета по финансовому рынку Бурыкиной Н.В. Эти поправки значительно расширяют предмет регулирования, т.е. не имеют к МСА никакого отношения.

Среди указанных поправок – значительное повышение требований к численности членов СРО аудиторов: к 1 января 2017 г. каждая СРО должна иметь не менее 1500 юридических лиц (вместо 500) или не менее 7000 физических (вместо 700).

Следует заметить, что требования в 500 и 700 членов уже значительно превышали общую норму Федерального закона «О саморегулируемых организациях» № 315-ФЗ, который устанавливал совершенно иной уровень – не менее 25 юридических лиц или не менее 100 физических.

Чем объясняются такие заоблачные высоты в сфере аудита? Какие критерии положены в основу повышения количественных требований? Может быть использована какая-то формула? Г-жа Бурыкина в ответ только кивала куда-то вверх. Начальник в Минфине от объяснений отказался, сказав, что это якобы не их инициатива.

Все 5 СРО подписали письмо в Госдуму с просьбой исключить из проекта ничем не обоснованные требования. Что мы получили в ответ?

Во II-ом чтении и в окончательной редакции закона требования ещё повысили: по юридическим лицам – до 2 тыс., а по физическим лицам – до 10 тыс. Это уже был очевидный произвол и явное желание начальника показать, *«кто в доме хозяин»*.

Важно обратить внимание, что численность аудиторских организаций – членов СРО составляет 4,3 тыс., а аудиторов – немногим более 20 тыс. Другими словами, рынок нужно поделить фактически пополам, чтобы попытаться создать две СРО.

Скорее всего, останется одна, т.е. будет монополия со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Ситуация усугубляется тем, что эта монополия будет подконтрольна одному начальнику, решившему, что он может делать все, что угодно.

А если сохранится две СРО, которые будут вынуждены балансировать на грани выполнения количественных требований, то они также будут находиться в полной власти того же начальника.

Таким образом, и в том, и в другом случае с саморегулированием будет окончательно покончено.

Здесь уместно обратиться к **Концепции совершенствования механизмов саморегулирования**, утвержденной Правительством России в декабре 2015 г. В ней дан четкий ориентир на отказ от требований к количеству членов СРО. И это естественно, потому что объективно не существует критериев, которые бы позволили определить, сколько СРО должно функционировать в той или иной сфере. Данный вопрос может решить только рынок с учетом качественных требований, устанавливаемых государством. Каждый раз установление количественных требований будет носить произвольный характер и прикрывать истинные мотивы конкретного чиновника.

19 декабря 2015 г. **Президент России дал Правительству РФ поручение** навести порядок в сфере аудита и в сентябре 2016 г. доложить о выполнении. В недрах Минфина родился проект Концепции дальнейшего развития аудиторской деятельности в России, который по существу ничего не меняет. Более того, по основным позициям он противоречит правительственной концепции, но это, видимо, некоторых чиновников не смущает. Конечно же, в нем нет ни слова об отказе от надуманных количественных требований. Рынок сейчас, без преувеличения, лихорадит. О реальном совершенствовании контроля за качеством работы аудиторов вспоминать бессмысленно. Кто же будет исключать из СРО

недобросовестных аудиторов, если поставлена задача по увеличению численности членов.

До 1 января 2017 г. остается два месяца. Объединительные процессы в целях выполнения безумных количественных требований идут непросто. Требуется безотлагательное изменение закона. После этого можно было бы спокойно заняться подготовкой новой редакции Федерального закона "Об аудиторской деятельности", предусматривая формирование реального саморегулирования.